

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.3

В. Т. Рязанов

КЕЙНСИАНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПОЛИТИКА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В 1936 г. была опубликована книга Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Восемьдесят лет, которые прошли с того времени, не ослабили интерес к этой работе. Относительно ее оценки по-прежнему сохраняются противоположные мнения. В настоящей статье исследуются основные теоретические постулаты и практические рекомендации кейнсианской научной школы. Раскрываются возможности и ограничения их использования на современном этапе. В числе таких ограничений выделяются произошедшая деиндустриализация и растущий долг основных хозяйствующих субъектов в развитых капиталистических странах, что снижает эффективность стимулирующей функции расширения совокупного спроса.

В статье обосновывается вывод о том, что создание условий для эффективного применения политики стимулирования совокупного спроса определяет необходимость глубокого реформирования сложившейся кредитно-долговой модели финансового капитализма. Для этого выдвигается программа социализации финансов, призванная существенно ограничить сферу спекулятивно-финансовой деятельности. Ее реализация рассматривается не только как способ установления надежного контроля и регулирования государством финансового посредничества, но и как условие перехода к новой модели смешанной экономики.

Автор статьи констатирует возможность использования политики стимулирования спроса в России. Успех в ее проведении определяется опережающим реформированием финансовой сферы, которое необходимо для активизации промышленной политики, с ориентацией на инновационную неоиндустриализацию. Таков путь к обеспечению динамичного и устойчивого экономического роста. Библиогр. 28 назв. Табл. 5.

Ключевые слова: кейнсианство, мировой кризис, экономика спроса, экономика предложения, долг, возможности стимулирования спроса, экономическое реформирование.

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ryazanov@spbu.ru

Victor T. RYAZANOV — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199134, Russian Federation; ryazanov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

KEYNES' ECONOMIC THEORY AND THE POLITICS:
POSSIBILITIES AND LIMITATIONS IN THE PRESENT STAGE

The book by J. M. Keynes "The General Theory of Employment, Interest and Money" was published in 1936. Eighty years that have passed since then did not in any way diminish the importance and relevance of the work. As to assessment thereof, there still remain some contrary opinions. This article is dedicated to the research of basic theoretical postulates and practical recommendations given by the Keynesian Scientific School. The potentials and limitations of applying them to the contemporary realia are uncovered. Among such limitations should be noted current deindustrialization and growing indebtedness of the major economic subjects in the developed capitalist countries, which tend to reduce the efficiency of the stimulating function of aggregate demand promotion.

The conclusion that creation of conditions for the effective implementation of the policies stimulate the aggregate demand determines the need for comprehensive reforming of the currently-existing credit-debt model of financial capitalism, has been substantiated. For this purpose, the program of finance socialization designed to significantly limit the scope of speculative financial activities, has been put forward. Implementation thereof is viewed not only as a way of establishing a reliable monitoring and regulation of financial intermediation by the state, but also as a precondition for the transition to a new mixed-type economy model.

The article has acknowledged the possibility to apply the demand promotion policy in Russia. Its successful realization is determined by advancing reformation of the financial sector, which is necessary for the activation of industrial policy, with focus on the innovative neo-industrialization. This is the way to ensure the dynamic and sustainable economic growth. Refs 28. Tables 5.

Keywords: Keynesian economics, global crisis, economy of demand, supply-side economics, debt, demand promotion potential, economic reforming.

Введение

Отношение к научным идеям и антикризисным мерам Дж. М. Кейнса всегда было неоднозначным. Они имели немалое число и сторонников, и противников. Причем острое противостояние кейнсианства и антикейнсианства, представленное первоначально австрийской школой, а затем и другими неолиберальными течениями, возникло с самого появления главного произведения Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» в 1936 г. Прошло 80 лет после выхода в свет этой работы и 70 лет со дня смерти его автора. Особо подчеркнем, что в течение всего этого времени данное противостояние имело переменный успех. Например, в 1970-е годы общепринятой была точка зрения тогдашнего президента США Р. Никсона о том, что «мы все — кейнсианцы». Еще ранее в таком же духе высказывался один из видных представителей школы монетаризма М. Фридмен.

В качестве примера, подтверждающего ведущую роль кейнсианства, также следует считать принятие в США двух законов о занятости (1946 и 1978 г.), в которых ставилась задача обеспечения максимальной занятости, производства и покупательной способности через развитие свободного предпринимательства и повышения общего благосостояния. Именно их приоритетное решение наиболее точно отражает практическую направленность научной школы Кейнса.

Но уже в конце 1970-х годов в экономической науке происходит антикейнсианский поворот. Более того, как отметил П. Кругман, наиболее непримиримые противники включили «Общую теорию» Кейнса в число 10 самых вредных книг XIX–XX вв. вместе с «Моей борьбой» Гитлера и «Капиталом» Маркса [Кругман, 2013, с.138].

Мировой кризис 2008–2009 гг. и, как следствие, проблемы выхода из него, восстановили пристальный интерес к кейнсианскому теоретическому наследию и антикризисным рецептам, которые вновь стали объектом ожесточенной полемики в экономической науке, и сама теория приобрела большую значимость по причине своей направленности на пересмотр основополагающих принципов господствующей до кризиса неолиберальной политики. Острота полемики подкрепляется непримиримостью и антагонизмом исходных позиций. С одной стороны, П. Кругман, будучи сторонником кейнсианства, характеризует современный вариант неоклассицизма как «обновленный роман с идеализированным рынком», ярче всего выступающий в виде гипотезы «эффективных рынков», и делает вывод о том, что «кейнсианские воззрения остались единственными достойными внимания» и в конечном счете именно их реализм и содержательность позволяют и сегодня считать эту теорию «лучшей из имеющихся теорий о природе рецессий и депрессий» [Krugman, 2009]. Поэтому переход к модели экономики, опирающейся на стимулирование эффективного спроса при активном использовании для этого государства, остается главным рецептом в борьбе с рецессией и застоем, обоснованию которого и посвящены многочисленные публикации американского экономиста.

С другой стороны, его оппонент Дж. Кокрейн, представляющий неолиберальную школу, напротив, клеймит кейнсианский подход в экономике, считая его полностью дискредитированным и неприемлемым. По его мнению, суть гипотезы «эффективных рынков» не в том, что они всегда успешно выполняют свои функции, а в обосновании непредсказуемости и неуправляемости рынками извне. Это означает, что государственное вмешательство в работу рынков приносит больший вред, чем их самокоррекция при помощи кризисов. Отсюда делается вывод о том, что «свободные рынки — худшая из систем», но государственный контроль рынков и особенно рынков ценных бумаг «всегда оказывается гораздо худшим вариантом» [Cochrane, 2009]. Поэтому сохранение модели экономики предложения, в которой центральная роль отводится частному бизнесу, стимулируемому снижением налогов и другими мерами, выдвигается в качестве наиболее эффективного способа выхода из нынешнего кризиса.

Таков накал идейно-теоретического противостояния. Он, конечно, осложняет объективный анализ предлагаемых теоретических оценок и практических рекомендаций. Тем не менее сама потребность в нем чрезвычайно высока. Причем полезность выбора именно кейнсианской экономической политики в современной России активно поддерживается многими ее экономистами [Дзарасов, 2012; Маневич, 2010].

Стоит подчеркнуть, что развитие кейнсианской теории и ее современные некейнсианские версии с особым вниманием к экономической динамике и к разработке моделей роста представлены в многочисленных работах экономистов (см., напр.: [Классики кейнсианства, 1997]). В настоящей статье эти вопросы специально не анализируются. Главное внимание уделено политике выхода из кризиса, поскольку ситуация в экономике в 1930-е годы, которую исследовал Кейнс, и современное экономическое положение во многом совпадают с точки зрения характера существующих проблем.

В связи с этим возникают следующие вопросы: во-первых, в чем притягательность идей Кейнса и как они соотносятся с современными экономическими

взглядами на природу кризиса и на определение путей выхода из него; во-вторых, насколько кейнсианские идеи и рецепты применимы к нынешней ситуации в мировой экономике; в-третьих, чем полезна школа Кейнса для современной России?

1. Основные преимущества кейнсианской теории

Достоинства теории Кейнса заключаются в следующем. Во-первых, Кейнс и его последователи признают объективную неизбежность кризисов в капиталистической рыночной экономике. В объяснении причины кризиса особо выделим то, что английский экономист, как и представители марксистской школы, обращается в первую очередь к капиталу как центральной категории данного способа производства, видя в особенностях его функционирования истоки возникающих проблем. Ведь сама природа циклических процессов при капитализме, обусловленная, по Кейнсу, колебаниями предельной эффективности капитала, которые возникают из-за неопределенности будущего, резко снижает эффективность использования политики манипулирования процентной ставкой, особенно при наступлении рецессии и последующего застоя. Вот почему «главное объяснение кризиса», по словам Кейнса, «надо искать не в росте процента, а во внезапном падении предельной эффективности капитала» [Кейнс, 1978, с. 388].

Что касается неоклассической школы, то она, делая ставку на общее равновесие, по сути дела лишает себя фундаментальных оснований исследования природы и причин экономических кризисов, которые как раз раскрывают действие неравновесных процессов в экономике. Характерно, что именно в соответствии с логикой неоклассицизма ее авторитетные представители уже не раз предрекали возможность блокирования наступления крупных кризисных обвалов. Отсутствие объективных причин неизбежности кризисов в рыночной экономике традиционно объясняется совершенством саморегулируемого рыночного механизма. Поскольку рыночная экономика по своей природе выступает как экономика прибылей и убытков и с этой стороны «располагает встроенным механизмом естественного отбора хороших предпринимателей», постольку, доказывает М. Я. Ротбард, «не следует ожидать, чтобы слишком много деловых предприятий несло убытки». Отсюда делается вывод о том, что рыночная экономика не порождает депрессию, последняя «является малопривлекательной, но необходимой реакцией на искажения и крайности предшествующего бума» [Экономический цикл, 2005, с. 154–155, 159]. Ему вторит Ф. Шостак, утверждая, что рецессия — «это ликвидация ошибок, вызванных предшествующей мягкой денежной политикой» [Экономический цикл, 2005, с. 7–8].

Во-вторых, достоинство кейнсианской теории, вытекающее из признания объективного характера регулярно происходящих экономических кризисов при капитализме, заключается в разработке действенной антикризисной макроэкономической политики, проверенной практикой восстановления экономики в период Великой депрессии 1930-х годов и, что так же важно, последующим экономическим ростом. С точки зрения факторов роста экономическая политика Рузвельта в конечном счете опиралась на стимулирование спроса, а не предложения («экономику спроса»), к которой традиционно призывают неоклассики, что отвечало новаторским идеям и рекомендациям школы Кейнса. При этом антикризисная политика строилась с условием активизации роли государства в хозяйственной сфере и осо-

бенно в инвестиционной области. Еще до выхода «Общей теории...» английский экономист в открытом письме американскому президенту Рузвельту, опубликованном в декабре 1933 г. в газете *New York Times*, изложил суть своей теории: «Я придаю чрезвычайное значение росту национальной покупательной способности на основе государственных расходов, финансируемых займами, а не за счет налогообложения текущих доходов» [Keynes, 1933].

Впоследствии в самой книге, раскрывая ограниченные возможности рыночного саморегулирования в кризисный период, Кейнс утверждал, что «при нынешней организации рынков и при тех влияниях, которые на них господствуют, рыночная оценка предельной эффективности капитала может подвергаться таким колоссальным колебаниям, что их нельзя в достаточной мере компенсировать соответствующими изменениями нормы процента» [Кейнс, 1978, с. 392–393]. Поэтому государство вынуждено «брать на себя большую ответственность за прямую организацию инвестиций», которую он называл «социализацией инвестиций» [Кейнс, 1978, с. 229, 453].

Критики проводимой политики антикризисных мер, по кейнсианской версии, как правило, указывают на то, что вплоть до 1939 г. экономика США не смогла возобновить в полном объеме докризисный уровень производства, а сам восстановительный процесс сопровождался второй волной спада в 1937–1938 гг. Однако она зародилась как раз из-за того, что американская администрация, решив сбалансировать бюджет страны в 1937 г., сократила госрасходы, поскольку надеялась, что бизнес в дальнейшем самостоятельно обеспечит продолжение экономического роста в силу действия рыночного механизма саморегулирования. Однако эти надежды не оправдались, и в американской экономике произошло неизбежное сжатие спроса с последующим новым витком перепроизводства товаров. На преждевременность свертывания стимулирования спроса Кейнс как раз обращал внимание американского президента во втором своем письме, отправленном в феврале 1938 г. Ведь отступление от политики «экономики спроса» и стало причиной нового кризисного обвала. В этом письме среди антикризисных мер особо выделялась важность «увеличения инвестиций в товары длительного пользования, таких как жилье, коммунальные услуги и транспорт». При этом жилищное строительство, как подчеркивалось, «является, безусловно, лучшей помощью в восстановлении из-за большого и постоянного масштаба потенциального спроса; из-за его широкого географического распространения, и потому, что источники финансирования спроса в значительной степени не зависят от колебаний на фондовых биржах» [Кейнс, 1938].

Следует отдать должное президенту Ф. Рузвельту, который признал ошибочность мер по сокращению государственных расходов. В апреле 1938 г. в своем традиционном радиообращении он так объяснил причины возобновления экономического спада в экономике США: «Мы страдаем в первую очередь от падения потребительского спроса, который вызван недостаточной покупательной способностью населения. Следовательно, в наших силах изменить экономическую ситуацию к лучшему» [Рузвельт, 2003]. В соответствии с такой оценкой им были предложены следующие меры, призванные преодолеть возникший сбой в экономике:

1) выделение дополнительных средств на борьбу с безработицей и на создание новых рабочих мест;

2) использование дополнительных банковских резервов для удовлетворения потребностей страны в кредитах;

3) дополнительное финансирование развертывания новых общественных работ наряду с продолжением старых (ликвидация трущоб, улучшение инфраструктуры в стране и развитие федеральной сети автомобильных дорог, работы по предотвращению наводнений и мелиораций земель и др.).

Предложенные антикризисные меры отвечали сути рекомендаций Кейнса. На американскую экономику они оказали благотворное стимулирующее воздействие. Попутно обратим внимание на то, что возникшая в 2015–2016 гг. рецессия в экономике России по своей природе и причинам напоминает кризисную ситуацию в США в 1937–1938 гг. Это означает, что опыт преодоления второй волны кризиса в американской экономике с его ориентацией на стимулирование спроса может использоваться как поучительный урок при разработке антикризисной политики в современной России.

Еще одно сомнение в эффективности антикризисной политики в годы депрессии 1930-х годов уязвывают с тем фактом, что в действительности экономика США окончательно восстановила свой производственный потенциал лишь с началом Второй мировой войны, приведшей к масштабному развертыванию военного производства. Действительно, именно с развертыванием массового военного производства преодолеваются последствия депрессии. Особенно оно касалось промышленного производства в США в 1940–1943 гг., которое в этот период значительно выросло.

Опроверяют ли приведенные факты эффективность проводимой антикризисной политики в кейнсианском варианте стимулирования спроса?

Как представляется, речь в данном случае идет о трансформации «мирного» кейнсианства в «военный» вариант. Вместе с тем подчеркнем, что в обоих случаях опора была сделана на расширение спроса как ключевого элемента в выводе экономики из кризиса. Конечно, гипотетический вопрос о том, можно ли было в полной мере рассчитывать на успех «мирного» варианта, остается открытым, и эмпирически точный ответ на него уже не получить. Скорее всего, ответ надо искать не столько в эффективности кейнсианского антикризисного регулирования, сколько в способности самой капиталистической системы хозяйства результативно и последовательно его задействовать, преодолевая сопротивление теряющих свои позиции бизнес-структур, и находить новые перспективные и прибыльные сферы вложения капитала, к примеру, в направлении развития мирных технологий.

Так же как само появление кейнсианства отражало практическую потребность в решении сложной задачи вывода экономики развитых капиталистических стран из глубокого системного кризиса, его нынешнее возрождение диктуется аналогичной потребностью хозяйственной практики. При этом практическая сторона вступления развитых капиталистических стран в фазу устойчивого роста ныне преобладает в научных дискуссиях. В связи с этим показательным стало замечание авторитетного макроэкономиста Н. Мэнкью: «Как ни печально это признавать, но макроэкономические исследования последних трех десятилетий оказали лишь минимальное влияние на практический анализ монетарной и фискальной политики». Это означает, что «современные макроэкономические исследования недостаточно широко используются в реальном политическом планировании», а потому «в них мало практической пользы» [Мэнкью, 2009, с.101].

К тому же сами теоретические модели, построенные на идеальных конструкциях рыночного хозяйства, недостаточно пригодны для выработки эффективной экономической политики и хозяйственной практики.

Обратимся к позиции Кругмана, который вслед за Кейнсом утверждает, что причина нынешней депрессии есть «всего лишь результат недостаточного спроса». На этом основании он построил жесткую критику реализуемой антикризисной политики на примере США и сделал главную рекомендацию, согласно которой возникший недостаток спроса можно компенсировать ростом госрасходов, и тогда так называемые структурные проблемы (негибкость рынка труда, неподготовленная рабочая сила, институциональные сбои) будут успешно разрешены [Кругман, 2013, с. 280].

Следует отметить, что весомые аргументы для такой критики имеются как относительно экономической политики, реализуемой в США, так и применительно к антикризисным мерам в других странах. Она подкрепляется прежде всего неоднозначными результатами экономического развития после кризиса в ведущих странах мира, а также в большинстве постсоциалистических стран, а это напрямую касается экономики России. Важной характеристикой посткризисного периода стало то, что выход из кризиса ведущих стран мира в 2010 г. продолжился не нарастанием экономического роста, а его угасанием. Более того, европейская экономическая группировка в 2012–2013 гг. вновь фактически оказалась в фазе рецессии, если опираться на ее стандартные характеристики. Следует отметить, что многие эксперты в момент выхода из кризиса прогнозировали прогрессирующее улучшение посткризисной ситуации в развитых странах. Этот прогноз не подтвердился, и можно констатировать наступление «двойной рецессии» в европейской экономике.

В результате реализации антикризисной политики в ведущих странах произошло понижение ставки рефинансирования до рекордных значений, близких к нулю (в США — 0–0,25 % с декабря 2008 г. до декабря 2015 г.). Однако это не привело к выводу экономики в фазу устойчивого роста, несмотря на то, что в стандартной ситуации реальный эффект в экономике от снижения процентной ставки начинал сказываться в предшествующие периоды примерно через 9 месяцев. Ныне рекордно низкая процентная ставка в США сохранялась на протяжении 7 лет и все еще остается на предельно низком уровне (0,5 %), тем не менее полноценного выхода из кризиса все еще не произошло. Все это привело к тому, что центральные банки таких стран, как Швеция и Швейцария, пошли на беспрецедентные меры, установив отрицательные процентные ставки, чтобы побудить коммерческие банки к расширению кредитования производства, а домашние хозяйства заставить больше тратить, а не сберегать свои доходы. Можно утверждать, что проводимая антикризисная политика завела развитые страны в ситуацию ликвидной ловушки с опасностью вхождения в фазу «вековой стагнации» [Summers, 2014], о реальности которой свидетельствует пример застойного состояния экономики Японии в начале XXI в. «Японский случай» вполне может стать для стран развитого капитализма «новой нормальностью» [Рязанов, 2013].

В сложившейся ситуации в мировой экономике ключевым становится вопрос о том, насколько оправданно проводить политику стимулирования совокупного спроса на современном этапе и есть ли у нее альтернатива?

2. Экономика спроса или экономика предложения: проблема выбора?

В ответе на поставленный вопрос прежде всего следует разобраться с выдвигаемыми альтернативами. Таковыми могут считаться варианты, базирующиеся на «экономике предложения». Собственно альтернативой она является условной, поскольку последние десятилетия, включая нынешний посткризисный период, она реализуется на практике. Само ее появление отражало неспособность традиционных кейнсианских рецептов разрешить возникшее в 1970-е годы системное ограничение в развитых капиталистических странах, обусловленное падением нормы прибыли в частном секторе вследствие устойчивого сохранения избыточных производственных мощностей и перепроизводства, что не соответствовало совокупному спросу. При таком положении подтягивание спроса за счет дефицитного стимулирования и денежной накачки экономики не могло не привести к стагфляции — одновременному росту цен и сокращению производства, что и произошло в середине 1970-х годов. Она была преодолена на основе замены кейнсианства монетаристскими принципами проведения экономической политики, когда акцент был перенесен на сокращение госрасходов и ужесточение кредита, что было нацелено на повышение эффективности и конкурентоспособности бизнеса. Предложенный монетаристский курс позволил сбить инфляционную волну и оживить экономику, но он не разрешил ее фундаментальное противоречие. Падение нормы прибыли частного бизнеса из-за сохраняющегося избытка производственных мощностей и перепроизводства продукции возобновилось и в этот период.

Вообще следует заметить, что политика государства по поддержке и стимулированию рыночной экономики может опираться на два альтернативных подхода на основе выбора в сторону «экономики спроса» или «экономики предложения». Само их выделение объясняется внутренним строением рыночного механизма. Спрос и предложение — две его взаимосвязанные стороны, а их сбалансированность, хотя и относительная, обеспечивает нормальное функционирование хозяйственной деятельности. Поэтому при выборе в качестве главного ориентира того или иного варианта проведения экономической политики не исключается возможность использования элементов альтернативного курса с целью повышения эффективности антикризисных мер. К примеру, политика стимулирования спроса в определенных ситуациях может быть дополнена политикой снижения налогов, которая является ключевым звеном в управлении экономикой со стороны предложения.

Каковы вероятные последствия использования указанных альтернативных вариантов для нынешнего экономического развития?

При стимулировании спроса за счет расширения госрасходов, которое используется на поддержку потребительского спроса (прежде всего низкодходных групп населения) и инвестиционного спроса (технологического обновления, инфраструктурных проектов, военных заказов), а также благодаря расширительной денежной политике появляются условия для развития производства. При дальнейшей его динамике теоретически можно добиться не только улучшения инвестиционного климата, формируя позитивные ожидания частных инвесторов, но и повысить норму прибыли, вернув рыночные стимулы экономического развития. Естественно, что применение политики стимулирования спроса на современном

этапе приводит к высоким рискам — повышению инфляции, но не исключено и зарождение еще одной стагфляционной волны. К тому же далеко не факт, что удастся восстановить приемлемую прибыльность для бизнеса, поскольку при таком варианте стабилизационной политики ограничена возможность сокращения высокозатратного и менее конкурентоспособного производства. Если еще учесть наличие быстро растущей промышленности в новых рыночных экономиках с более низкими удельными затратами на производство значительной части продукции, то проблема разрешения структурного ограничения роста (низкой нормы прибыли с соответствующими последствиями) в развитых странах становится более сложной.

Рассмотрим теперь особенности стабилизационной политики при стимулировании «экономики предложения». Прежде всего стоит отметить особенности данного подхода в трактовке возникновения нынешней экономической стагнации. В таком случае главный акцент делается на замедление роста производительности труда, которое и привело к неустойчивости экономического роста в посткризисный период. Если в США в 1996–2004 гг. среднегодовой рост реальной величины ВВП составлял 3,32 %, который обеспечивался увеличением производительности, рассчитанной в виде производства ВВП за час работы, в 2,51 %, то в период 2004–2014 гг. ВВП рос темпом в 1,58 % при увеличении производительности труда на 1,22 % [Gordon, 2015]. Причины падения темпов экономического роста обусловлены действием таких факторов, как исчерпание потенциала третьей промышленной (компьютерно-цифровой) революции, снижение динамизма бизнеса¹, замедление роста образовательного уровня и его качества², старением населения и ухудшением состава рабочей силы³.

Восстановление экономического динамизма в соответствии с теорией «экономики предложения» предполагает усиление стимулирования бизнеса для повышения эффективности производства. Приоритетность предложения (сферы производства) в преодолении стагнации теоретически опирается на так называемый «закон Сэя», на основании которого предложение рождает спрос. При такой интерпретации спрос может учитываться, если обращается внимание на изменчивость экономического поведения индивидов, что побуждает компании подстраиваться к меняющейся картине спроса. Однако в этом случае спрос индивидуализируется и перемещается в область экономической психологии. С точки же зрения макроэкономики главными факторами роста выступают ресурсы (труд, капитал, технологии, информация), эффективное использование которых способно обеспечить приемлемую норму прибыли и улучшить динамические характеристики производства. Данный подход является основой неоклассических макроэкономических моделей роста, интерпретирующих и усложняющих производственную функцию, которая описывает влияние двух главных факторов роста — труда и капитала.

¹ Оно нашло проявление в сокращении занятости в быстро растущих молодых фирмах (до 5 лет) США с 19,2 % в 1982 г. до 10,7 % в 2011 г. [Gordon, 2015].

² Уменьшение роли образовательной сферы США в обеспечении экономического роста объясняется, в частности, тем, что с 1972 г. по настоящее время стоимость университетского образования росла в 3 раза быстрее, чем инфляция. В результате задолженность по образовательным кредитам возросла до 1,2 трлн долл., что снижает доступность получения образования [Gordon, 2015].

³ Так, по данным ФБР, не менее 1/3 всех взрослых американцев имели судимость, что становится препятствием для трудоустройства [Gordon, 2015].

Такого рода модели нацелены на количественную оценку влияния факторов на выпуск продукции со стороны производства (предложения), учитывая их совокупную величину и удельный вес отдельных факторов производства. Собственно сама математизация превращается в некий инструмент для подчинения хозяйственной жизни правилам абсолютной рациональности. Поэтому сила прогнозов разрабатываемых моделей и уравнений не столь велика, когда речь заходит о реально работающей экономике. Хотя они и полезны для раскрытия стационарного состояния экономики, базирующегося на предположении о равновесии спроса и предложения, в них игнорируется роль фактора платежеспособного спроса, которая становится ключевой в кризисный период⁴. Более того, в действительности капиталистическая рыночная экономика является не столько ресурсоограниченной, сколько спросоограниченной, что особенно ярко проявляется в период кризиса, когда резко обостряется проблема недогрузки производственных мощностей и возникает перепроизводство продукции. Поэтому лимитирует выход из кризиса не недостаток эффективных производственных мощностей, а напротив, их избыток, отражающий как перенакопление капитала, так и сужение спроса.

Тем не менее выделим основные элементы стабилизационной политики неоклассического толка. К ним относятся: сокращение госрасходов, включая затраты на социальные цели, и ужесточение кредитно-денежной политики, призванное повлиять на повышение эффективности бизнеса. Политика, основанная на экономике предложения, реализует стандартное макроэкономическое равенство сбережений и инвестиций, обращая особое внимание на превращение сбережений в частные инвестиции. Доказывается, что когда рынок товаров сбалансирован, а чистый экспорт равен 0, разность инвестиций и сбережений равна сальдо бюджета:

$$\text{Сбережения} - \text{Дефицит госбюджета} = \text{Инвестиции.}$$

Данное уравнение формально показывает, что для увеличения инвестиций надо ускорить рост запаса капитала, а для этого увеличить сбережения или уменьшить дефицит госбюджета. Дефицит, кроме того, снижает экономический рост, соответствующий полной занятости, поскольку поглощает частные сбережения через выпуск государственных облигаций, которые отвлекают средства на частные инвестиции.

Главной задачей политики «экономики предложения» является восстановление сбалансированности экономики за счет сокращения издержек и усиления конкуренции, что должно, по идее, способствовать структурной перестройке в сфере производства и в конечном счете устранению избыточных и малоприбыльных производственных мощностей, чтобы вернуть бизнесу приемлемую прибыльность. Важные дополняющие рычаги — сокращение налогов и другие льготы для капитала, которые должны компенсировать удорожание кредита и повысить его конкурентоспособность. Еще одним существенным элементом такой политики выступает замораживание заработной платы как одного из факторов снижения издержек,

⁴ Один из признанных авторитетов неоклассической теории экономического роста Р. Солоу впоследствии все же признал: «Сосредоточение внимания на способах описания технологии привело к одному плохому побочному результату. Я слишком мало внимания уделял проблемам эффективного спроса. Говоря по-иному, теорию равновесного роста крайне необходимо дополнить теорией отклонения от траектории равновесного роста» [Солоу, 2003, с. 487].

благодаря которому складываются условия для перехода к гибкому рынку труда. Он, в свою очередь, определяет возможность снижения не только реальной, но и номинальной зарплаты при возникновении соответствующих конъюнктурных условий как для компаний, так и для всего народного хозяйства.

Гипотеза о том, что увеличение госдолга на основе бюджетного дефицита вытесняет частные инвестиции, усиливая экономическую стагнацию, чаще всего не подтверждается хозяйственной практикой. На примере нынешней экономической ситуации в Греции можно наблюдать реальные последствия борьбы с госдолгом путем уменьшения государственных расходов. Такие меры не только не увеличивают частные инвестиции, но и в целом ведут к их сокращению, блокируя рост производства. Более того, наряду с бизнесом население предпочитает откладывать все большую часть доходов «на черный день». В результате сокращается спрос на товары, что в реальности является основным препятствием выхода из кризиса. Соответственно можно привести пример и по России, когда предпринимаемые попытки сокращения госрасходов не приводили к адекватной реакции в сфере инвестиционной активности бизнеса как в прошлом, так и в текущем периоде.

Не менее сложным остается вопрос о том, насколько оправданно делать ставку на стимулирование предложения в целях выхода экономики из кризиса в условиях избытка производственных мощностей и чрезмерной безработицы, которые активно возникают на данной воспроизводственной фазе. Если отсутствует соответствующий спрос, то становится проблематичным задействование простаивающих производственных мощностей. Можно попытаться решить проблему за счет снижения цен, но тогда возникает вопрос о том, насколько это будет согласовано с получением достаточной прибыли.

Каковы еще дополнительные ограничения при реализации «экономики предложения»?

Понятно, что решение проблемы выхода из кризиса за счет ущемления интересов большинства населения в пользу капитала не может не вызвать соответствующего сопротивления, что приведет к высоким социальным рискам. К тому же рассчитывать на восстановление должной отдачи капитала и прибыльности не приходится. Достаточно указать, что фактически такая политика осуществлялась в течение ряда десятилетий до мирового кризиса, она сопровождалась замораживанием оплаты наемных работников, но не разрешила структурных проблем в развитых капиталистических странах, а в итоге привела к серьезному мировому кризису.

3. Кейнсианские антикризисные рецепты в изменившихся условиях

Подводя итог краткого сопоставления двух альтернативных вариантов проведения экономической политики в посткризисный период, прежде всего отметим то обстоятельство, что возможности их использования следует оценивать с точки зрения адаптивности к сложившимся условиям хозяйствования в современной экономике, одновременно не исключая идейно-теоретические предпочтения и, что еще более существенно, экономические интересы, которые скрываются за проблемой выбора.

В качестве еще одного дополнительного обстоятельства следует считать оправданным отвлечение от проблемы разграничения роста в долгосрочной и краткосрочной перспективах, на что в общих теориях роста обращается большое внимание. Ведь вывод экономики из кризиса с последующим ее восстановительным ростом — это в первую очередь задача краткосрочного периода; то, что будет происходить после него, — это уже другая история.

Какие же новые условия и ограничения следует учитывать при рассмотрении направлений проводимой экономической политики в текущий посткризисный период, особенно обращая внимание на кейнсианские методы стимулирования совокупного спроса, поскольку кредитно-долговая его поддержка, наряду с активизацией государственного регулирования, играет принципиально важную роль в их реализации?

Вполне понятно, что их достаточно большое количество, ибо современный глобальный капитализм претерпел существенную трансформацию в сравнении с предшествующими ему историческими фазами. В качестве примера остановимся на двух наиболее существенных отличиях.

Во-первых, в 1930-е годы стимулирование дополнительного спроса могло на практике способствовать восстановлению производства на территории США в силу самого его наличия. На современном же этапе большинство потребительских товаров импортируется из новых развивающихся индустриальных стран. Поэтому такое стимулирование в большей мере имеет поддерживающий эффект не столько для американских, сколько для зарубежных производителей. Не случайно промышленное производство в США достигло своего докризисного уровня только на исходе 2013 г., а в ЕС эта задача все еще не решена. Можно утверждать, что произошедшая деиндустриализация не устранила избыточных производственных мощностей и перепроизводства продукции в американской экономике (как и во многих других западных странах) и одновременно стала барьером в выводе их из кризиса.

К тому же восстановление и наращивание потребительского спроса сталкивается с другим барьером, обусловленным ограниченностью потенциала внутреннего спроса нынешних стран-лидеров. Ведь торможение экономического роста в этих странах объясняется возникновением «ловушки богатства», попадание в которую оборачивается ситуацией тупика с появлением труднопреодолимого предела экономического роста.

Недостаточность потребительского спроса при этом усиливается таким явлением, как возникновение «чрезмерных сбережений». Вследствие нарастания неравномерности распределения дохода среди разных групп населения появляются избыточные сбережения у небольшой, самой состоятельной группы населения («золотой процент»), которая не склонна тратить значительные средства на потребительские товары. Такое перераспределение создаваемого дохода от труда к капиталу снижает мультипликатор расходов, поскольку состоятельные люди в большей степени сберегают свои денежные ресурсы. Острота современного феномена сверхбогатства, в основе которого — финансовые спекуляции в глобальном масштабе, объясняется также его полным разрывом с ростом реальной экономики. Этим дополнительно усиливается неравновесие между производством и не соответствующим ему потребительским спросом.

Безусловно, такая ситуация в сфере реальной экономики в первую очередь сказывается на возможности эффективного применения кейнсианских антикризисных рецептов стимулирования спроса, ранее исторически апробированных. Это означает, что их запуск оправдан по мере последовательного восстановления сектора реального производства, которое предпринимается в рамках программ реиндустриализации с особым акцентом на расширение инвестиционного спроса в США и других странах капиталистического центра, поддерживаемое активной социальной политикой.

Что касается проведения политики «экономики предложения», то и для нее ситуация также не столь благоприятная, поскольку сужение спроса не может не влиять отрицательно на ее проведение. Правда, теоретически данное ограничение может быть устранено, если произойдет отказ от самой идеологии обеспечения непрерывного экономического роста в пользу оздоровления хозяйственной ситуации и снятия экспансии потребительского спроса. С точки зрения растущей актуальности экологических ограничений и достигнутого уровня избыточного потребления такая радикальная трансформация целей развития в ведущих капиталистических странах вполне оправдана. Вместе с тем сама природа капиталистической конкуренции и особенно обострение борьбы стран за лидерство в мировой экономике не позволяют рассчитывать на изменение ее ведущей роли в современном мире.

Во-вторых, приходится считаться со сверхостротой возникшей общей мировой проблемы, превратившейся, пожалуй, в главный тормоз развития ведущих капиталистических стран. Чтобы был более ясен драматизм современной ситуации с долгами, достаточно сопоставить ее с периодом Великой депрессии. В тот период политика правительства Рузвельта по стимулированию спроса (в варианте «дефицитного финансирования») начиналась тогда, когда величина госдолга составляла в 1929 г. 16 % ВВП, и к 1940 г. она возросла до 51 % ВВП.

Таблица 1. Глобальный долг в мире (2000–2014 гг.), трлн долл.

Основные компоненты долга	2000 г.	2007 г.	2014 г.	Соотношение 2014 и 2000 гг., %
Всего	87	142	199	229
В том числе:				
— государственный	22	33	58	264
— компаний	26	38	56	215
— финансового сектора	20	37	45	225
— домашних хозяйств	19	33	40	210
ВВП мира	35	52	69	197
Глобальный долг к ВВП, %	246	269	286	116

Источник: [Dobbs, Lund, Waetzel, Mutafchieva, 2015].

Современная экономическая ситуация характеризуется совершенно иными масштабами накопленного и постоянно разрастающегося долга. В табл. 1 представлены показатели, рассчитанные *McKinsey Global Institute*, о состоянии глобального долга в период 2000–2014 гг. и касающиеся 47 самых крупных экономик мира — 25 развитых и 22 развивающихся стран. Их совокупный глобальный долг, достигший в 2014 г. величины в 199 трлн долл., почти в 3 раза превышает ВВП всего мира. Характерно и то, что в структуре глобального долга заметно более высокими тем-

пами рос суверенный долг, что явилось следствием борьбы с кризисом путем его гашения с помощью вбрасывания государствами огромных денежных ресурсов. В итоге именно государственная задолженность превратилась в первую по значению часть совокупного долга (табл. 2).

Обращает на себя внимание неоднозначность проблемы долга для разных групп стран. Фактически $\frac{3}{4}$ глобального долга приходится на развитые капиталистические страны. Именно среди них обнаруживаются главные рекордсмены по абсолютному и относительному значению долга. Так, наибольшей долговой нагрузкой (долг / ВВП) в 2014 г. характеризовались следующие страны: Голландия — 687 %, Ирландия — 681 %, Япония — 517 %, Великобритания — 435 %, Испания — 401 %, Греция — 322 %, Китай — 282 %, США — 269 %. Для сравнения: в группе развивающихся стран ситуация заметно отличалась. К примеру, в Аргентине долговая нагрузка равнялась 40 %, в Саудовской Аравии — 65 %, в России — 85 % [Dobbs, Lund, Waetzel, Mutafchieva, 2015].

Таблица 2. Структура глобального долга, %

Компоненты долга	2000 г.	2007 г.	2014 г.
Всего	100	100	100
В том числе:			
— государственный	25	23	29
— компаний	30	27	28
— финансового сектора	23	26	23
— домашних хозяйств	22	24	20

Источник: [Dobbs, Lund, Waetzel, Mutafchieva, 2015].

Тот факт, что в структуре совокупного долга произошло заметное увеличение величины и доли государственного долга развитых государств, показывает в еще большей степени фактически туниковую ситуацию с использованием традиционных мер по преодолению кризисных явлений в капиталистической экономике (табл. 3). Если учитывать, что, согласно эмпирическим оценкам, госдолг, превышающий 90 % ВВП, блокирует возможность устойчивого роста [Рейнхарт, Рогофф, с. 278–279], то ситуация в центральной части мирового хозяйства остается крайне тяжелой, затрудняющей вывод экономики в подъемную фазу.

Таблица 3. Государственный долг в странах мира в 2006–2014 гг., % к ВВП

Основные страны и регионы	2006 г.	2009 г.	2014 г.
Весь мир	56,0	64,7	78,2
Развитые страны	75,7	91,5	107,1
США	63,6	86,1	104,5
Зона евро	68,7	80,1	95,2
Япония	186,0	210,3	243,6
Развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками	36,9	36,0	34,9
Китай	16,2	17,7	22,4
Россия	9,0	11,0	13,4

Источник: [Fiscal Monitor, 2014, p. 5, 70, 74].

Серьезную тревогу вызывает проблема непрерывно растущего долга в США — стране, занимающей ведущее место в современной мировой экономике. Динамика совокупного внутреннего долга в США за период с 1982 по 2014 г. свидетельствует о том, что этот показатель за указанный период по официальным данным вырос в 10 раз и достиг величины в 58,4 трлн долл., более чем в 3 раза превышая объем ВВП страны (табл. 4). Приведенные данные указывают на то, что для обеспечения прироста ВВП на 1 долл. приходилось увеличить почти на 4 долл. совокупный внутренний долг. При этом в период с 2000 по 2014 г. требовалось наращивать внутренний долг уже почти на 5 долл. Если еще принять во внимание растущие масштабы внешнего долга, то очевидно, что драматизм ситуации с долгом в США усиливается.

Об остроте долговой проблемы свидетельствует такой факт. В США на процентные платежи до кризиса уходило около 15 % расходов федерального бюджета. В результате политики денежного смягчения и снижения процентных ставок по казначейским бумагам эта доля сократилась до 5–6 %. Однако после сворачивания политики количественного смягчения начнется значительный рост процентных ставок и, по прогнозам, к 2020 г. в США доля расходов только по обслуживанию государственного долга может превысить 25 %.

Таблица 4. Долг основных секторов экономики США (1982–2014 гг.), трлн долл.

Секторы экономики	1982 г.	2000 г.	2014 г.
Внутренний долг нефинансового сектора	4,9	19,1	43,2
В том числе:			
— домашних хозяйств	1,6	7,2	13,9
— частного бизнеса	1,8	6,6	12,0
— федеральный долг	1,1	4,1	14,4
— местных органов власти	0,4	1,2	2,9
Внутренний долг финансового сектора	0,8	8,7	15,2
Итого	5,7	27,8	58,4
ВВП	3,3	10,2	17,3

Источник: [Financial Accounts of the United States, 2015, p. 5].

Есть еще одно дополнительное обстоятельство, подтверждающее крайне высокую остроту долговой проблемы в США. Речь идет о том, что существующая официальная статистика не отражает полных данных о размерах долга. Более точная оценка совокупного долга в США должна дополняться неучтенными социальными обязательствами государства и деятельностью «теневого банковского сектора». Так, по оценке *Cato Institute*, только государственный долг США при полном расчете составляет ныне не 19, а 91 трлн долл., что более чем в 5 раз превышает объем ВВП страны [Tanner, 2015].

Попутно отметим, что с учетом не обеспеченных финансами социальных обязательств ситуация в ЕС также не менее критична. Совокупный долг всех стран, входящих в данный интеграционный блок, составляет примерно 430 % их величины ВВП (в частности, в Греции эта цифра составляет 875 %).

Для сравнения сопоставим ситуацию с внутренним долгом в РФ и его динамикой. Приведенные данные раскрывают противоречивую ситуацию (табл. 5). С одной стороны, относительный масштаб внутреннего долга представляется

Таблица 5. Внутренний долг в России (1999–2014 гг.), млрд руб.

Компоненты внутреннего долга			
Внутренний долг (рублевый), всего	123,2	10 183,8	34 888,3
В том числе:			
— физических лиц	10,6	2567,0	11 029,1
— организаций	99,6	7102,3	20 850,0
— кредитных организаций	12,8	514,5	3010,2
Внутренний долг (в инвалюте), всего	298,0	3741,3	14 181,1
В том числе:			
— физических лиц	9,5	404,0	301,1
— организаций	200,7	2431,1	9993,0
— кредитных организаций	45,3	904,2	3885,0
Государственный внутренний долг	533,8	1407,3	5383,0
Общий внутренний долг	955,0	15 331,4	54 452,4
ВВП	4823,2	41 276,8	71 406,4
Общий внутренний долг к ВВП, %	19,8	37,1	76,3

Источник: [Рязанов, 2016, с. 582].

менее рискованным по сравнению с ситуацией в развитых капиталистических странах. И этим определяется сохраняющийся ресурс использования механизма стимулирования внутреннего спроса для вывода экономики страны из рецессии и экономической стагнации. С другой стороны, не может не вызывать тревогу высокая динамика возрастания внутреннего долга страны. За 15 прошедших лет он вырос более чем в 54 раза и достиг величины почти 54,5 трлн руб., что составило 76,3 % ВВП страны. Если еще учесть внешний государственный долг, то общая величина долга в РФ приблизилась к 85 % ВВП страны.

4. Причины и последствия растущего долга

Нарастание задолженности в развитых капиталистических странах побуждает разобраться с природой и допустимыми границами в кредитно-долговой экспансии, в основе которой лежит соотношение сбережений и инвестиций. В неоклассической версии макроэкономической теории постулируется их равенство, которое используется в качестве одной из предпосылок для объяснения достижения общего рыночного равновесия. При этом следует подчеркнуть, что равенство сбережений и инвестиций в явном виде характерно для модели закрытой экономики, которая в завершенном варианте в реальной жизни не встречается. Тем не менее теоретически оно возможно, если кредитные ресурсы ограничиваются сбережениями, обеспеченными существующими доходами с ограниченными возможностями их перевода в другие страны. При этом сама возможность появления кредита изначально определялась наличием временно свободных доходов, которые распределялись банками в виде части сбережений, превращаемых в инвестиции. Однако с развитием капитализма широко применяется другая форма кредита, когда он напрямую не соотносится с доходами, а создается самими финансовыми институтами. В последние годы именно эта форма преобладает, она раскрывает долговую природу современного капитализма и остроту этой проблемы после кризиса 2008–2009 гг.

Как само появление необеспеченного кредита влияет на равенство сбережений и инвестиций?

Можно предположить, что внедряемый банками необеспеченный кредит, превращаясь в инвестиции в производство, позволяет в будущем произвести необходимый доход, равный как минимум выданному кредиту. К. А. Хубиев, анализируя позицию Кейнса по этому вопросу, справедливо обращает внимание на то, что в условиях постоянно возобновляемого процесса производства нормальная логика хозяйственной деятельности в виде цепочки событий: доход — сбережения — инвестиции изменяется на противоположную: дополнительный (необеспеченный) кредит — дополнительные инвестиции — дополнительный доход — дополнительные сбережения [Хубиев, 2014, с. 24–25]. В такой непрерывно воспроизводящейся деятельности может сглаживаться разница между обеспеченным и необеспеченным кредитом, но только при определенных условиях, к которым обратимся далее в настоящей статье.

Пока же отметим, что за счет включения кредитного мультипликатора величина такого дополнительного дохода зачастую превышает величину кредита. Это означает, что финансовые рынки обладают способностью стимулирующего воздействия на развитие производства, благодаря которому можно нарастить объем сбережений и снять жесткую ограниченность экономического роста их величиной. В таком случае кредитно-банковская деятельность в сфере производственного инвестирования становится дополнительным рычагом осуществления инвестиционно-технологических прорывов в экономике и в целом достаточно результативным условием поддержания высокого динамизма в хозяйственной деятельности.

Вновь обращаясь к равенству сбережений и инвестиций, отметим, что с расширением необеспеченного кредита оно приобретает весьма условное и относительное значение. Во-первых, кредитная эмиссия, особенно при ее избыточном объеме, далеко не во всех случаях может равноценно компенсироваться создаваемыми дополнительными доходами. К тому же возникающий межвременной разрыв в выдаче необеспеченного кредита и его будущего возмещения («временной лаг») — сам по себе уже проблема, порождающая трудности в погашении и даже в обслуживании накопленных долгов как в отдельных фирмах, так и в целом в народнохозяйственном комплексе. Поэтому в отличие от кредитов, поддерживаемых текущими доходами, кредиты под будущие доходы выступают экзогенными, если рассматривать соотношение сбережений и инвестиций.

Во-вторых, кредитная эмиссия, дополняющая обеспеченные доходами сбережения, является стимулирующим фактором тогда, когда она превращается в производственные инвестиции. Именно в этом заключается главное условие равнозначности такого кредита работающим (т. е. реальным) сбережениям. Вместе с тем практика современного капитализма как раз свидетельствует о том, что сферой его преобладающего использования становятся спекулятивно-финансовые операции. Еще К. Маркс утверждал: «Банк и кредит становятся в одно и то же время и могущественнейшим средством, выводящим капиталистическое производство за его собственные пределы, и одним из самых мощных рычагов кризисов и надувательства» [Маркс, 1962, с.157].

С учетом данного обстоятельства равенство сбережений и инвестиций в еще большей степени нарушается, что свидетельствует о возникновении между ними неравенства в реальной хозяйственной жизни. Оно еще более усугубляется, если к его анализу подключить проблему бегства капитала (сбережений) в оффшоры и

в другие страны, а для современной России она характеризует прямую потерю инвестиций и потому становится одним из существенных ограничений роста. Этим подтверждается преобладание неравновесных процессов в капиталистической рыночной экономике. В динамичном воспроизводственном процессе возможны совпадения сбережений и инвестиций в национальных экономиках, но, скорее, как совпадение тенденций в их изменениях, а не как абсолютное равенство между ними. На практике наличие разрыва между сбережениями и инвестициями проявляется в избыточности кредита, а это тождественно чрезмерному разрастанию необеспеченного денежного капитала в стране, формирующему предпосылки краха самой банковской системы и одновременно способствующему его перенакоплению, которое с неизбежностью ведет к кризисным потрясениям всей экономики. Современный мировой экономический кризис подтвердил такую опасность всеобщего перекредитования, которая в особо острой форме реализовалась в сфере ипотечного кредитования населения, став пусковым механизмом для мирового кризиса 2008–2009 гг.

Насколько опасность перекредитования экономики соотносится с кейнсианской политикой стимулирования спроса с учетом действия кредитного мультипликатора?

В ответе на поставленный вопрос сошлемся на П. Кругмана, который справедливо указал на важность учета фундаментального постулата Кейнса: «экономить следует во время бума, а не спада» [Кругман, 2013, с. 86]. Это означает, что можно не особенно тревожиться по поводу роста долга в период кризиса, если он используется для стимулирования производственной активности. Вместе с тем не менее существенно не наращивать долг в фазе роста, а напротив, снижать его.

Именно это правило было игнорировано, что подтверждается непрерывным ростом задолженности на всех фазах воспроизводственного цикла. Отсюда следует выделить два важных условия, касающихся возможности использования в антикризисных программах прямого стимулирования совокупного спроса. Первое из них означает, что применительно к циклическим спадам такой способ дает приемлемые результаты, но опять же при условии отсутствия чрезмерной долговой перегрузки экономики.

Второе условие еще существенней. Оно связано с наличием в циклическом спаде в качестве дополнительного звена системных признаков кризиса. Системная природа нынешнего мирового кризиса, как, впрочем, и в большинстве других случаев, характеризуется в первую очередь возникновением разрыва во взаимодействии реального и финансового секторов хозяйства, которое раскрывает нарастание доминирования спекулятивных операций в хозяйственной деятельности с их завышенной прибыльностью [Рязанов, 2015]. Данная коллизия может быть разрешена обращением к посткейнсианской теоретической версии, поскольку в ней особое внимание как раз нацелено на возникновение системной диспропорции в институционализации современной хозяйственной системы. Ее природа отражает деструктивное влияние возникающего дисбаланса между финансовым и реальным секторами экономики, что с неизбежностью приводит к кризису. Он обусловлен высоким уровнем растущей задолженности в экономике из-за развертывания спекулятивного финансирования, что втягивает рынки и хозяйствующих агентов в порочный круг спекулятивных пузырей. Поэтому главной целью в посткризис-

ный период должно стать последовательное ослабление спекулятивного звена как главной угрозы устойчивости экономики. Именно в таком направлении имеет смысл определять основное направление назревшего глубокого перестроения сложившейся хозяйственной системы. Только после этого стимулирование спроса приобретает эффективное воздействие на экономический рост.

Разрешение системного кризиса и восстановление сбалансированного взаимодействия реальной экономики и финансового сектора исторически разрешалось по-разному. В частности, в период Великой депрессии в США был принят закон Гласса—Стиголла (1933 г.), ограничивший возможность депозитных банков участвовать в спекулятивных операциях. Отмена этого закона в 1999 г. стала одной из главных причин зарождения нынешнего системного дисбаланса в хозяйственной сфере. В условиях современного капитализма, когда необходимо изменить сам подход к институциональному оздоровлению сложившейся модели экономики, вполне созрела потребность в принятии программы *социализации финансов* (см. подробнее: [Рязанов, 2016, с. 628–641]).

Сама конструкция социализированной финансовой системы в обычном понимании может рассматриваться в качестве установления надежного контроля и регулирования государством финансового посредничества. В частности, Кейнс предлагал ввести «значительный государственный налог на все виды биржевых сделок по купле-продаже ценных бумаг», чтобы «смягчить преобладание спекуляций над предпринимательством в Соединенных Штатах» [Кейнс, 1978, с. 224–225]. Применение такого налога развивает подход Кейнса, о котором уже было сказано выше в настоящей статье, подтверждающий необходимость социализации инвестиций в период кризисных обострений. Хотя сам Кейнс подробно не раскрывал то, в каких конкретных формах ее реализовать в хозяйственной практике, полагаясь на соответствующие действия правительств, сама она принципиально важна для понимания его антикризисной логики, не сводимой только к стимулированию спроса. Соединение политики стимулирования спроса с реформированием финансовой сферы — таков смысл кейнсианского подхода к антикризисной стратегии. Правда, стоит отметить, что социализацию инвестиций Кейнс понимал в качестве экстраординарного звена в проводимой антикризисной политике. Для последующего экономического роста им обосновывалась необходимость «установления общественно контролируемой величины инвестиций» при одновременном «увеличении склонности к потреблению» [Кейнс, 1978, с. 398]. Что касается взаимодействия финансового и производственного секторов, то допускалось его возвращение в обычный рыночный режим. Именно в таком ограничительном подходе к политике социализации инвестиций как временной мере содержится объяснение наступившего кризиса кейнсианской политики стимулирования спроса, которая привела к ее демонтажу в развитых капиталистических странах в середине 1970-х годов.

То, что социализация финансов, понимаемая как способ активизации государства в инвестиционной сфере, особенно требуется в кризисные периоды, не вызывает сомнения и подтверждается практикой. Однако этим не закрывается вопрос о целесообразности формирования социализированного сегмента финансовой системы вне зависимости от циклических характеристик экономики. В данном случае уместно сослаться на авторитетного последователя кейнсианства Х. Мински,

который утверждал, что «сложное и динамическое устройство самой финансовой системы, такое как оно есть, становится дестабилизирующей силой, порождая глубокие депрессии в условиях нерегулируемого капитализма: поэтому финансы нельзя оставлять на откуп свободным рынкам» [Minsky, 2008, p. 324]. По сути дела, речь идет о возрождении модели регулируемой и социально ориентированной экономики в обновленном варианте, как она была представлена в кейнсианской теории и осуществлялась на практике после Второй мировой войны. Ее отличительной чертой следует считать формирование институтов контроля и регулирования финансовой сферы не только как срочной антикризисной меры, но и как политики постоянного действия.

Что касается самой характеристики представленной финансовой модели, то ее можно отнести к разновидности смешанной экономики, в которой социализированный финансовый сектор взаимодействует с частным сектором в остальных отраслях народного хозяйства. Такую модель смешанной экономики можно также трактовать как вариант *финансового социализма*, необходимость перехода к которому в разгар кризиса поддерживали многие политики. Он напоминает и, возможно, дополняет апробированный вариант «распределительного социализма», известный по опыту скандинавских стран, в котором производство развивается на частнопредпринимательских принципах, а его социальная коррекция происходит благодаря использованию перераспределительного механизма. В любом случае восстановление приоритета реального сектора экономики выступает важнейшей предпосылкой для обеспечения эффективного использования механизма стимулирования спроса и вывода экономики в восстановительную фазу роста.

Выводы

Какие выводы следует сделать из проведенного анализа?

Во-первых, ситуация в мире с точки зрения использования антикризисной политики характеризуется неоднородностью исходных условий, что раскрывает разнонаправленность ее проведения применительно к развитым и развивающимся экономикам. Возможность опереться на потенциал расширения внутреннего спроса, а значит, и на кейнсианскую стратегию антикризисного регулирования, сохраняется в большинстве развивающихся экономик (например, с учетом того, что в этих странах меньшая долговая нагрузка). Однако и в развивающихся странах реализация стратегии предполагает своевременное институциональное перестроение хозяйственного устройства, нацеленное на радикальное ослабление спекулятивного звена в экономике. «Деспекулятизация экономики» требуется для ее расчистки от спекулятивных завалов с переориентацией на восстановление приоритетности реального сектора народного хозяйства.

Несомненна полезность идей Кейнса для современной России. Для нашей страны использование потенциала расширения спроса может опереться на сочетание импортозамещения с государственной поддержкой и стимулированием обновления капитала и повышения эффективности производства. Такой подход, как представляется, более перспективен в сравнении с проводимой политикой бюджетной консолидации и сокращением доходов населения в интересах достижения финансовой стабилизации. Вряд ли при его реализации можно рассчитывать на успеш-

ное решение приоритетных целей развития России, которые в российской версии экономики предложения рассматриваются в качестве условия формирования стимулов для частнопредпринимательской деятельности и обеспечения эффективности производства [Кудрин, Гурвич, 2014, с. 33].

Политику строгой экономии в период преодоления последствий кризиса нельзя рассматривать в качестве перспективной и по-настоящему эффективной. Ее можно считать оправданной, если сокращение государственных расходов сопровождается замещающим ростом частных инвестиций. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, в нестабильной хозяйственной ситуации с высокими рисками на это трудно рассчитывать.

К тому же действительная проблема нынешних трудностей в экономике России — не избыток государственных расходов и бюджетный дефицит, а сохранение экспортно-сырьевой модели роста, которая в своем современном устройстве оборачивается перенакоплением фиктивного капитала в финансовой сфере и его отрывом от реальных активов.

Недостатки экспортно-сырьевой модели экономического роста требуют ее радикальной перестройки. Но и в этом случае успех в проведении курса на стимулирование спроса определяется опережающим реформированием финансовой сферы, необходимым для активизации промышленной политики, и поворотом в сторону инновационной неоиндустриализации. Таков путь к обеспечению динамичного и устойчивого экономического роста.

Во-вторых, «долговая ловушка», в которую попало большинство развитых капиталистических стран, существенно ограничивает возможность использования стимулирования совокупного спроса для преодоления экономической стагнации в этих государствах. С проблемой выхода из нее связана трактовка современной рецессии как «балансовой рецессии», преодоление которой выдвигает на первое место ослабление долгового давления на экономику [Ку, 2014].

Отсюда и главный для этих стран вопрос: есть ли приемлемый способ выхода из глобальной ловушки долга, не подавляющий экономический рост?

На данный момент каких-либо явных признаков выбора нового варианта разрешения долгового кризиса, помимо политики бюджетной консолидации, не наблюдается. Хотя теоретически можно представить несколько вариантов если не разрешения, то хотя бы ослабления долговой перегрузки: использование инфляционного способа удешевления долга, или применение механизма рефинансирования части долга путем его погашения государственными обязательствами с более длительным сроком действия. Еще один возможный вариант — проведение глобальной денежной реформы с восстановлением курса на надежное обеспечение в новой валютной системе. Можно отказаться от самой политики поддержания непрерывного экономического роста как некой самоцели в пользу оздоровления хозяйственной ситуации. Наконец, есть и определенный ресурс неэкономического способа расчета с долгами через внеэкономическое принуждение и списание долгов. Войны и политическое переформатирование мира — проверенный способ расчета с долгами.

Последнее, что хотелось бы отметить, заключается в следующем. Чрезвычайная острота долговой проблемы в современной глобальной экономике не просто определяет сверхвысокие риски возникновения второй волны кризиса, но и чре-

вата высокой вероятностью катастрофического сценария, связанного с угрозой наступления неспособности ведущих государств мира справляться со своими социальными обязательствами, что вполне может закончиться полным крахом всей привычной системы социальной поддержки с соответствующими политическими последствиями. Переключить общество с гарантированным социальным обеспечением и растущим уровнем потребления на более низкий уровень — это не только болезненная задача, но и высокие социальные риски.

Для исключения негативных сценариев развития в глобальной экономике потребуется обеспечить перестроение всей еще действующей хозяйственной системы. Это и есть самый надежный способ разрешения нынешних трудностей в экономике. Так же, как после Великой депрессии, капитализм перешел к модели регулируемой экономики, и на современном этапе оправданно выбрать курс на проведение глубоких экономических реформ. По сути дела, речь идет о переходе к новому качеству современной государственно-регулируемой экономики — созданию модели *социализации финансов* не как временной и антикризисной меры, а как своеобразного геопроекта, учитывая глубину преобразований и долгосрочные перспективы. Но для этого необходимо новаторство в теории и решительность в политике, а значит, не обойтись без «нового Кейнса», так же как и без «нового Рувзельта».

Литература

- Дзарасов С. С. Куда Кейнс зовет Россию? М.: Алгоритм, 2012. 304 с.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978. 494 с.
- Классики кейнсианства: в 2 т. М.: Экономика, 1997. Т. 1. 415 с.; Т. 2. 431 с.
- Кругман П. Выход из кризиса есть! М.: Азбука Бизнес, 2013. 320 с.
- Ку Р. Священный Грааль макроэкономики: уроки великой рецессии в Японии. М.: Мысль, 2014. 434 с.
- Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 3–35.
- Маневич В. Е. Кейнсианская теория и российская экономика. М.: Едиториал УРСС, 2010. 224 с.
- Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Изд-во политической литературы, 1962. 551 с.
- Мэнкью Н. Г. Макроэкономист как ученый и инженер // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 86–103.
- Рейнхарт К. М., Рогофф К. С. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М.: Карьера Пресс, 2011. 528 с.
- Рувзельт Ф. Д. Беседы у камина. М.: ИТРК, 2003. 408 с. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/90802/46/Ruzvel%27t_-_Besedy_u_kamina.html (дата обращения: 15.03.2016).
- Рязанов В. Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2013. Вып. 4. С. 3–34.
- Рязанов В. Т. Политическая экономия и ее аналитические возможности: проверка теоретической модели кризисов // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 25–38.
- Рязанов В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
- Солоу Р. Теория роста и дискуссия о ней (Нобелевская лекция, 8 декабря 1987 г.) // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России / ред. Ю. В. Яковец. СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2003. 967 с.
- Хубиев К. А. Долговая проблема в экономической теории // Долговая проблема как феномен XXI века / под ред. А. А. Пороховского. М.: МАКС Пресс, 2014. 288 с.
- Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск: Социум, 2005. 220 с.
- Cochrane J. H. How did Paul Krugman get it so Wrong? URL: <http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/> (дата обращения: 15.01.2016).
- Dobbs R., Lund S., Waetzel J., Mutafchieva M. Debt and (not much) deleveraging // McKinsey Global Institute. URL: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging> (дата обращения: 18.01.2016).
- Financial Accounts of the United States. Federal Reserve Statistical Release. 2015. 194 p.
- Fiscal Monitor. IMF. Washington, 2014. 90 p.

- Gordon R. Secular Stagnation: A Supply-Side View // *American Economic Review: Papers & Proceedings* 2015. N 5. P. 54–59. URL: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.p20151102> (дата обращения: 20.02.2016).
- Keynes J.M. An Open Letter to President Roosevelt. URL: <http://newdeal.feri.org/misc/keynes2.htm> (дата обращения: 15.02.2016).
- Keynes J.M. Private Letter to Franklin Delano Roosevelt of February 1, 1938. URL: http://delong.typepad.com/egregious_moderation/2008/12/john-maynard-ke.html (дата обращения: 15.02.2016).
- Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? URL: <http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/> (дата обращения: 15.01.2016).
- Minsky H. *Stabilizing An Unstable Economy*. McGraw Hill, 2008. 395 p.
- Summers L. Reflections on the 'New Secular Stagnation Hypothesis' // In *Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures* / eds C. Teulings and R. Baldwin. London: CEPR Press, 2014. P. 27–40.
- Tanner M.D. Medicare and Social Security Tabs Coming Due. URL: <http://www.cato.org/publications/commentary/medicare-social-security-tabs-coming-due> (дата обращения: 18.01.2016).

Для цитирования: Рязанов В. Т. Кейнсианская экономическая теория и политика: возможности и ограничения на современном этапе // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 3–26. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.201

References

- Dzarasov S. S. *Kuda Keins zovet Rossiuu?* [Where Keynes does call Russia?]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. 304 p. (In Russian)
- Keins J.M. *Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg* [The General theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Progress Publ., 1978. 494 p. (In Russian)
- Klassiki keinsiansstva* [Classics of Keynesian economics]: In 2 vols. Moscow, Ekonomika Publ., 1997, vol. 1. 415 p.; vol. 2. 431 p. (In Russian)
- Krugman P. *Vykhod iz krizisa est'!* [Overcoming the crisis exists!]. Moscow, Azbuka Biznes Publ., 2013. 320 p. (In Russian)
- Ku R. *Sviashchennyi Graal' makroekonomiki: uroki velikoi retsessii v Iaponii* [The Holy Grail of Macroeconomics: Lessons from Japan's Great Resession]. Moscow, Mysl' Publ., 2014. 434 p. (In Russian)
- Kudrin A., Gurvich E. Novaia model' rosta dlia rossiiskoi ekonomiki [New model of increase for the Russian economy]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of the Economy], 2014, no. 12, pp. 3–35. (In Russian)
- Manevich V.E. *Keinsianskaia teoriia i rossiiskaia ekonomika* [Keynesian theory and the Russian economy]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
- Marks K. Kapital [Capital], vol. 3. *Marks K., Engel's F. Soch.* 2nd ed. Vol. 25. Ch. P. Moscow, Izd-vo politicheskoi literatury, 1962. 551 p. (In Russian)
- Men'k'iu N.G. Makroekonomist kak uchenyi i inzhener [Macro-economist as scientist and the engineer]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of the Economy], 2009, no. 5, pp. 86–103. (In Russian)
- Reinkhart K. M., Rogoff K. S. *Na etot raz vse budet inache. Vosem' stoletii finansovogo bezrassudstva* [This time is different. Eight centuries of the financial folly]. Moscow, Kar'era Press, 2011. 528 p. (In Russian)
- Roosevelt F.D. *Besedy u kamina* [The chats in the fireside]. Moscow, ITRK Publ., 2003. 408 p. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/90802/46/Ruzvel%27t_-_Besedy_u_kamina.html (accessed 15.03.2016). (In Russian)
- Riazanov V.T. Neustoichivyi ekonomicheskii rost kak «novaia normal'nost'»? [Is Unsteady Economic Growth a «New Regularity»?]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 5. Economy*, 2013, issue 4, pp. 3–34. (In Russian)
- Riazanov V.T. Politicheskaiia ekonomiiia i ee analiticheskie vozmozhnosti: proverka teoreticheskoi modeli krizisov [Political economy and its analytical possibilities: verification of the theoretical model of the crises]. *Voprosy politicheskoi ekonomii* [Questions of the political economy], 2015, no. 2, pp. 25–38. (In Russian)
- Riazanov V.T. *(Ne)Real'nyi kapitalizm. Politekonomiia krizisa i ego posledstviia dlia mirovogo khoziaistva i Rossii* [(Not) Real capitalism. Political economy of crisis and its consequences for the world economy and Russia]. Moscow, Ekonomika Publ., 2016. 695 p. (In Russian)
- Solou R. Teoriia rosta i diskussiia o nei (Nobelevskaia lektsiia, 8 dekabria 1987 g.) [Theory of increase and the discussion about it — Nobel lecture. 8 December 1987]. *Nobelevskie laureaty po ekonomike: vzgliad iz Rossii*. Ed. by Iu. V. Iakovets. St. Petersburg, "Gumanistika" Publ., 2003. 967 p. (In Russian)
- Khubiev K. A. Dolgovaia problema v ekonomicheskoi teorii [Debt problem in the economic theory]. *Dolgovaia problema kak fenomen XXI veka*. Ed. by A. A. Porokhovskii. Moscow, MAKS Press, 2014. 288 p. (In Russian)

- Ekonomicheskii tsikl: analiz avstriiskoi shkoly* [Economic cycle: the analysis of the austrian school]. Cheliabinsk, Sotsium Publ., 2005. 220 p. (In Russian)
- Cochrane J.H. *How did Paul Krugman get it so Wrong?* Available at: <http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/> (accessed 15.01.2016).
- Dobbs R., Lund S., Waetzel J., Mutafchieva M. Debt and (not much) deleveraging. *McKinsey Global Institute*. Available at: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging> (accessed 18.01.2016).
- Financial Accounts of the United States. Federal Reserve Statistical Release*, 2015. 194 p.
- Fiscal Monitor. IMF*. Washington, 2014. 90 p.
- Gordon R. Secular Stagnation: A Supply-Side View. *American Economic Review: Papers & Proceedings* 2015, no. 5, pp. 54–59. Available at: <http://dx.doi.org/10.1257/aer.p20151102> (accessed 20.02.2016).
- Keynes J.M. *An Open Letter to President Roosevelt*. Available at: <http://newdeal.feri.org/misc/keynes2.htm> (accessed 15.02.2016).
- Keynes J.M. *Private Letter to Franklin Delano Roosevelt of February 1, 1938*. Available at: http://delong.typepad.com/egregious_moderation/2008/12/john-maynard-ke.html (accessed 15.02.2016).
- Krugman P. *How Did Economists Get It So Wrong?* Available at: <http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/> (accessed 15.01.2016).
- Minsky H. *Stabilizing An Unstable Economy*. McGraw Hill, 2008. 395 p.
- Summers L. Reflections on the 'New Secular Stagnation Hypothesis'. In *Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures*. Eds C. Teulings, R. Baldwin. London, CEPR Press, 2014, pp. 27–40.
- Tanner M.D. *Medicare and Social Security Tabs Coming Due*. Available at: <http://www.cato.org/publications/commentary/medicare-social-security-tabs-coming-due> (accessed 18.01.2016).
- For citation:** Ryazanov V.T. Keynes' Economic Theory and the Politics: Possibilities and Limitations in the Present Stage. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 5. Economics*, 2016, issue 2, pp. 3–26. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.201

Статья поступила в редакцию 14 марта 2016 г.

Статья рекомендована в печать 5 мая 2016 г.